

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Публикация Л. Р. Ланского

19 июля 1845 г. в распространенном парижском журнале «Illustration» (№ 125) была напечатана большая анонимная статья о современной русской литературе. Благодаря своим исключительным достоинствам, она не могла не обратить на себя внимания читателей. Пожалуй, никогда еще до этого на страницах французского издания не появлялось столь глубокой и верной характеристики исторического развития русской литературы и не определялось с такой убедительностью истинное значение Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Серьезность тона, превосходное знание предмета, яркость изложения — все это делало статью заметным явлением на фоне поверхностных и банальных высказываний французских критиков об интеллектуальной жизни России.

20 августа /1 сентября 1845 г. М. Г. Карташевская, племянница С. Т. Аксакова, сообщала его дочери, Вере Сергеевне: «Я получаю „Illustration“. Пробегая один из прошедших номеров, я с удивлением вижу заглавие: „De la littérature russe contemporaine“. Тут делается разбор Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Эта статья мне очень нравится, и меня очень интригует знать, кто мог написать ее. Француз — это невозможно. Самый характер статьи, ее тон, ее направление — не французские. И потом тут такое глубокое знание наших поэтов, какое мудрено предположить в иностранце, и такая тонкая им оценка, какой мало мы имеем и у нас. Гоголя ставит он выше всех. Говорит о его даре творчества, о том спокойном состоянии художника, который передает жизнь со всеми ее хорошими и дурными случайностями, не негодуя и не восторгаясь. Эта мысль одна уже не французская. Говорится еще, что переводятся повести Гоголя на французский язык и что огромный талант автора ручается за прием публики даже иностранной. Однако мне кажется, что Гоголь непереволим и они не будут иметь Гоголя в переводе. Оценка Пушкина, кажется, тоже очень верна...».

Публикуя в 1952 г. эту выдержку из письма М. Г. Карташевской («Литературное наследство», т. 58, стр. 672), мы высказали предположение, что автором статьи в «Illustration» был Тургенев. В настоящее время мы можем более подробно изложить наши аргументы в пользу его авторства.

Начнем с того, что постоянным и деятельным сотрудником «Illustration», с самого основания этого журнала, был друг Тургенева Луи Виардо. Тургенев познакомился с ним в Петербурге 28 октября/9 ноября 1843 г. и особенно сблизился в последующие два осенне-зимних сезона, которые Луи Виардо со своей женой, Полиной Виардо-Гарсия, выступавшей в петербургской итальянской опере, провел в России¹. Луи Виардо был известен у себя на родине как разносторонне образованный искусствовед и талантливый литератор, впервые познакомивший Францию с бессмертным романом Сервантеса в полном и высокохудожественном переводе. С Тургеневым его связывала не только общность умственных интересов, но и страсть к охоте, для которой такой простор открылся ему в русских лесах. Свои охотничьи впечатления Виардо подробно описал в нескольких очерках, напечатанных в журнале «Illustration». «Благодаря своим друзьям <...>, — писал он в первом из этих очерков, имея в виду и Тургенева, — благодаря их благожелательному и сердечному гостеприимству, — я смог тотчас же по приезде в Россию, в семистах лье от Парижа, возобновить охоту, начатую мною на берегах Сены и Марны...» («Illustration», 1844, № 78, 24 августа, стр. 411).

В беседах с Виардо во время совместных охотничьих поездок и при частых петербургских встречах Тургенев, находившийся тогда в самом центре русской литературной жизни и в тесном общении с Белинским, не мог не касаться волнующих проблем современности и судеб русской литературы.

Литературно-критические взгляды Тургенева сложились к этому времени под плодотворным влиянием Белинского. Подобно Белинскому, Тургенев видел в Пушкине, Лермонтове и Гоголе величайших русских писателей и особенно ценил в их творчестве верность реальной действительности, совершенное мастерство и национальное своеобразие. Как и Белинский, Тургенев требовал от искусства «живой, жизненной правды» (X, 297), и поэтому Гоголь — великий поэт этой жизненной правды, — «человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы» (X, 322), являлся тогда для Тургенева объектом особого поклонения.

Вероятно во время последнего пребывания Виардо в России зимой 1844/1845 г. Тургенев сумел убедить его в необходимости ознакомиться Францию с творчеством Гоголя. Виардо совершенно не знал русского языка, поэтому Тургенев вместе с С. А. Геденовым продиктовали ему по-французски, непосредственно с русского оригинала, несколько повестей Гоголя. Виардо пришлось только «отретушировать» стиль перевода, исправляя отдельные погрешности (см. ниже, стр. 273).

Книга Гоголя вышла в Париже в 1845 г. под названием: «Nouvelles russes. Traduction française publiée par Louis Viardot» («Русские повести. Французский перевод, изданный Луи Виардо»). Еще до выхода ее в свет Виардо опубликовал в «Illustration» (№ № 136—139, от 4—25 октября 1845 г.) продиктованные ему переводы «Старосветских помещиков» и «Записок сумасшедшего»*.

В книгу Гоголя вошли: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». Она открывалась следующим предисловием, в котором Виардо с полной определенностью отмечал участие Тургенева в переводе повестей:

«После смерти поэтов Пушкина и Лермонтова, которые погибли во цвете лет на злополучных поединках, все единодушно ставят на первое место среди русских писателей г. Николая Гоголя (произносите *Го-ль*, несколько смягчив *л*), родившегося в Малороссии около 1808 г. Г-н Гоголь дебютировал в литературе сборником „Повестей“, который постепенно увеличивался в объеме, — его последнее издание (1842 г.) образует три тома in 8°. Затем он окончательно закрепил свою утверждающуюся репутацию остроумной комедией „Ревизор“, и еще больше — знаменитым правоописательным романом „Мертвые души“, вторую часть которого он пишет теперь за границей. Чтоб ознакомить Францию с Гоголем, мы выбрали из его сборника *повестей* не только уже известные и отличающиеся разнообразием, но и те, которые, по нашему мнению, имеют более общий характер, позволяющий лучше передать их на чужом языке и понять в чужой стране.

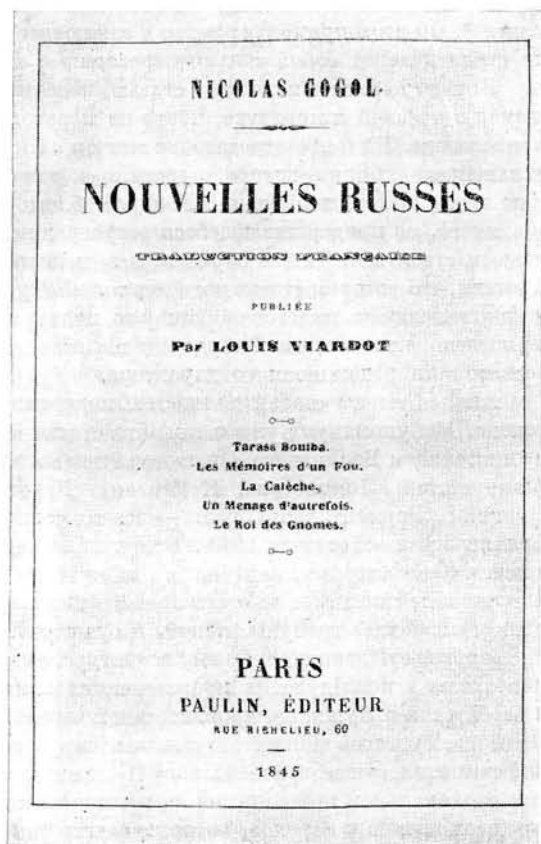
Отнюдь не переводчикам Гоголя пристало хвалить его достоинства, заранее отмечая его оригинальную, живописную манеру, быть может, несколько суровую и дикуую для нас, как и нравы страны, которую он столь верно обрисовывает. Дойдя до конца

* Журнальная публикация второй половины «Старосветских помещиков» сопровождалась следующим примечанием от редакции (вероятно, написанным Виардо): «По нашей ошибке в предыдущий номер не попала заметка о находящемся в печати сборнике, из которого мы извлекаем эту повесть. Читатели „Illustration“ могут припомнить, что мы объявили в номере от 19 июля сего года о предстоящей публикации французского перевода „Русских повестей“ Николая Гоголя. Издатель этого перевода дал нам возможность опубликовать „Старосветских помещиков“ и другую повесть, в совсем ином роде — „Записки сумасшедшего“, которая появится вслед за первой. Обладающие вкусом читатели признают в обоих этих образцах самобытные достоинства, встречающиеся, главным образом, в молодых литературах. Сборник г. Гоголя имеет еще одно достоинство, помимо достоинства стиля и композиции, — он дает возможность читателю ознакомиться с нравами его родины и показывает нам Россию, как Вальтер Скотт показал нам старую Шотландию, а Купер — остатки диких и воинственных народов Северной Америки». Виардо и в упомянутых выше журнальных публикациях и в газетных объявлениях о выходе сочинений Гоголя настойчиво подчеркивал, что является только издателем, а отнюдь не переводчиком книги.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД
ПОВЕСТЕЙ ГОГОЛЯ, СДЕЛАННЫЙ
ТУРГЕНЕВЫМ И С. А. ГЕДЕОНОВЫМ
ПРИ УЧАСТИИ ЛУИ ВИАРДО

Париж, 1845 г.

Титульный лист

тома, читатель узнает это сам, без предварительных предупреждений. Мне остается лишь объяснить, как, не зная ни слова по-русски, я издаю перевод русской книги. Выполненная в Санкт-Петербурге, работа эта принадлежит мне в меньшей степени, нежели двум моим друзьям, гг. И. Тургеневу, молодому писателю, уже известному как поэт и критик, и С. Геденову, который подготавливает, наряду с более легкими сочинениями, „Историю славянских народов“². Они любезно согласились продиктовать мне по-французски подлинный текст. Я же только слегка выправил слова и фразы: и если стиль принадлежит отчасти мне, то смысл — им одним. Я могу поэтому обещать, во всяком случае, совершенную точность. Мы всегда следовали правилу, которое Сервантес предписывает переводчикам и которое я с самого начала пытался применить к его же сочинениям: „Ничего не прибавлять и ничего не убавлять“ (стр. V — VII).

В нашем распоряжении нет никаких сведений о том, какие именно повести Гоголя были продиктованы Тургеневым и какие Геденовым. Однако то обстоятельство, что Виардо, нарушив алфавитный порядок, на первом месте назвал Тургенева, несомненно свидетельствует о его преимущественном и более значительном участии в переводе книги. Высказывалось даже предположение, что эта работа была проделана одним Тургеневым (см. статью М. П. Алексеева: «И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе». — Институт литературы (Пушкинский дом) АН СССР. «Труды Отдела новой русской литературы», I, М. — Л., 1948, стр. 43—49).

Появление в «Illustration» статьи о Пушкине, Лермонтове и Гоголе находилось в прямой связи с предстоявшим выходом в свет избранных сочинений Гоголя. Статья явно ставила своей задачей ознакомление европейской читательской аудитории с историей русской литературы; подчеркивая первостепенную роль Гоголя в современном литературном движении России, она должна была привлечь внимание читателей к его

книге *. Об этом прямо говорится в заключительной части статьи. Такую задачу могли ставить перед собой только переводчики и издатель книги.

Виардо написать подобную статью, конечно, не мог: он не владел русским языком и знал о русской литературе, почти не переводившейся на иностранные языки, лишь понаслышке. Не был он достаточно знаком и с критической деятельностью Белинского, сильнейшее влияние которого заметно сказалось как на общей концепции статьи, так и на отдельных ее положениях. Вопрос об авторстве Геденова, человека хотя и образованного, но придерживавшегося ретроградных и эклектических взглядов, не может даже и ставиться. Таким образом, все имеющиеся фактические данные подводят нас к мысли, что автором статьи мог быть только Тургенев, которого Виардо в предисловии к книге недаром аттестовал как уже пользующегося известностью критика **. Не исключено, конечно, что Виардо мог внести в статью некоторые изменения стилистического или редакционного характера.

Анализ текста статьи полностью подкрепляет предположение об авторстве Тургенева. Мы упомянули уже о том, что статья в «Illustration» написана под несомненным влиянием Белинского. Оценка умственного развития России XVIII и XIX вв., характеристики Ломоносова, Карамзина, Державина, Жуковского и в особенности Пушкина, Лермонтова и Гоголя — все это совпадает с аналогичными высказываниями Белинского в его статьях 1840-х годов, в частности в пушкинском цикле, печатавшемся тогда в «Отечественных записках». Личная и идейная близость Тургенева с Белинским вполне объясняет этот замечательный факт широкой пропаганды идей Белинского с общеввропейской трибуны, какой, в сущности, являлся журнал «Illustration».

Многие суждения о русской литературе, высказанные в статье, в той или иной мере повторены в последующих произведениях и письмах Тургенева. Отметим, что даже в своей речи о Пушкине, произнесенной через 35 лет после появления статьи в «Illustration», Тургенев почти текстуально воспроизводит ее основные положения — о глубокой симпатии, существующей между Пушкиным и русским народом, о Пушкине как первом национальном поэте России, не принадлежащем, однако, «к числу тех великих поэтов всех времен и народов, которым нечего бояться даже переводчиков», и т. д. ***

Публикуемая статья представляет собою своего рода литературное credo молодого Тургенева. Она свидетельствует также и о том, что активная деятельность Тургенева по ознакомлению Запада с прогрессивной русской литературой, сыгравшей впоследствии столь значительную роль в умственной жизни Европы, началась раньше, чем принято думать, и притом самым блестящим и многообещающим образом.

* В первой заметке, посвященной выходу в свет отдельного издания повестей Гоголя в переводе на французский язык («Отеч. записки», 1845, № 12), Белинский, отмечая, что «перевод удивительно близок и в то же время свободен, легок, изыщен», добавлял: «Говорят, что этот перевод, обратив на себя большое внимание во Франции, имел так необыкновенный успех» (Б е л и н с к и й, т. IX, стр. 369). Во второй заметке — «Отзывы французских журналов о Гоголе» («Отеч. записки», 1846, № 1) критик указывал, имея в виду «Старосветских помещиков» и «Записки сумасшедшего», появившиеся в «Illustration»: «Мы знали из верного источника, что эти две повести обратили на себя в Париже сильное внимание» (Б е л и н с к и й, т. IX, стр. 422). Нужно ли добавлять, что этим верным источником мог быть только Тургенев, получивший эти сведения непосредственно от Виардо?

** О том, что статья была написана не иностранным, а русским автором, свидетельствует и отсутствие в характеристике Пушкина и Лермонтова упоминаний о политических репрессиях, которым подвергались оба поэта. Не упоминается даже стихотворение «Смерть поэта», вызвавшее ссылку Лермонтова. Отсутствие этих общеизвестных фактов можно объяснить только опасением автора привлечь к статье внимание агентов III Отделения, для которых не представляло особенной трудности установление анонимного автора, так как близость Тургенева с Виардо и участие Виардо в «Illustration» ни для кого не являлись секретом. Этим же объясняется, вероятно, и несколько завуалированная форма характеристики свободолобных стремлений русского народа, истолкователем которых были Пушкин и Лермонтов и которые автор статьи осторожно именует «благородными стремлениями».

*** В статье высказывается глубокое убеждение, что «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» Пушкина должны понравиться французским читателям. Знаменательно, что именно эти произведения впоследствии были переведены на французский язык Тургеневым при участии Л. Виардо.

DE LA LITTÉRATURE RUSSE CONTEMPORAINE

Pouchkine. — Lermontoff. — Gogol

La littérature, si l'on prend ce mot dans sa véritable signification, compte à peine quarante années d'existence en Russie; mais le mouvement littéraire remonte à un siècle. Jusqu'au règne de celui qui fut le créateur de l'empire russe, Pierre le Grand, le peu de livres que possédait la Russie, traitant pour la plupart de matières religieuses, étaient écrits en slavon, ou plutôt dans un dialecte qui s'était formé du vieux slavon, tel qu'on le trouve encore dans la traduction des Evangiles, modifié par l'influence des langues latine, polonaise et russe vulgaire. Ce dialecte était devenu, comme le sanscrit chez les Orientaux, la langue des savants, *la langue des livres*. Elle dormait dans les tabernacles et les bibliothèques; mais la vraie langue russe, celle qui vivait dans la bouche du peuple, n'avait d'autres monuments littéraires que les vieilles chansons et les contes de la veillée, fidèlement conservés par la tradition jusqu'à nos jours. Pierre le Grand fit triompher la langue vulgaire, celle du peuple. Mais comme cette langue, expression d'une vie qu'il était appelé à changer si complètement, ne se trouvait point à la hauteur des éléments nouveaux qu'il introduisait dans la société, comme elle ignorait ses propres richesses et manquait d'une foule de mots devenus nécessaires avec les choses, une horrible confusion ne tarda point à éclater. Des expressions allemandes, suédoises, hollandaises, françaises firent irruption dans la langue. Le dialecte *des livres* se défigura d'abord complètement et défigura à son tour l'idiome vivant, la langue parlée; et dans ce premier conflit des éléments dont plus tard devait se former le russe actuel, il n'y eut pas de littérature possible. Une littérature est encore plus difficile et plus lente à créer qu'un empire. Aussi le premier écrivain digne de ce nom qu'ait produit la Russie, Lomonossoff, n'apparut que dix années après la mort de Pierre le Grand.

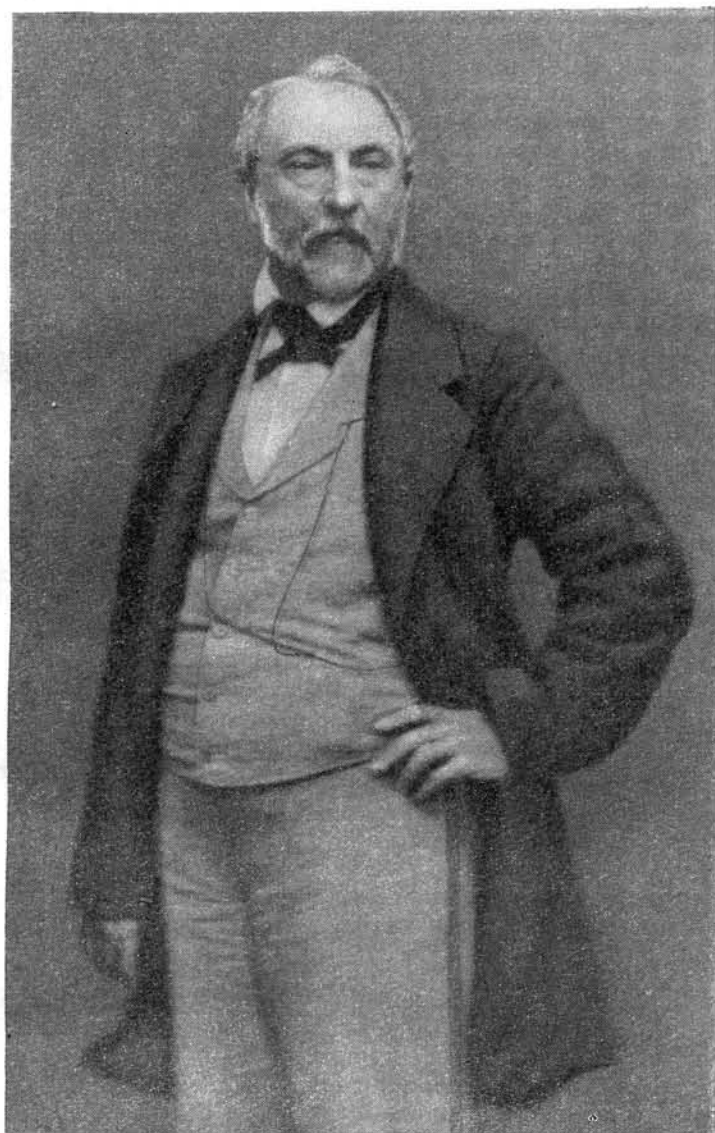
Notre objet n'est point d'apprécier ici les services et l'influence de cet homme vraiment remarquable qui suivit exactement les traces du grand tzar, lequel, tout en imitant, s'éleva jusqu'à la création à force de bon sens, de hardiesse, de ténacité, de foi en lui-même et en son peuple. Nous voulons seulement remarquer que l'intérêt de cette première période du développement intellectuel en Russie ne se trouve pas dans la valeur littéraire des œuvres de ce temps-là, qui n'étaient en général qu'une faible imitation de ce qui s'écrivait en Europe, mais bien dans le perfectionnement rapide, ou plutôt dans la création progressive de la langue. Toutes les littératures des autres peuples de l'Europe avaient produit des chefs-d'œuvre avant la fixation définitive de la langue russe. En Europe, effectivement, et dans chaque nation, le besoin de reproduire les faits, les idées, les croyances, les formes de la société, toute la vie humaine, en un mot, ce besoin, source de tout art et de toute science, s'était fait sentir sans interruption. Sous l'influence de l'antiquité, à laquelle se rattachait, à travers des siècles de barbarie, la vie de l'Europe Occidentale, la parole avait su trouver des accents énergiques et sublimes, la main des formes vraies et belles, dans l'enfance des langues et de l'art. C'est que la *société* a toujours existé à l'Occident. En Russie, au contraire, si l'on excepte ces contes et ces chansons du peuple, ce besoin de reproduire la vie nationale ne s'était pas encore manifesté. Même avant Pierre le Grand, l'art en Russie venait d'Italie ou de Byzance. C'est que la Russie n'existait que comme peuple, pas encore comme *société*. Une fois constituée, la nation dut obéir aux grandes destinées qui l'attendaient. Mais avant de commencer son mouvement et sa marche dans toutes les directions, il fallait qu'un travail préparatoire lui donnât conscience d'elle-même. Voilà pourquoi, dans l'histoire

politique de la Russie, les conquêtes territoriales ont précédé tout développement social et administratif. Voilà pourquoi, dans son histoire littéraire, la formation et le perfectionnement de la langue a dû précéder toute vraie littérature. Il s'en faut de beaucoup sans doute que la langue russe soit dès aujourd'hui constituée définitivement; mais elle est arrivée cependant au degré de précision, de finesse, d'universalité nécessaire pour qu'un écrivain puisse se faire un style à lui, et que les lecteurs soient en état de lui reconnaître cette qualité.

Ce fut un homme de goût et de talent, l'historien Karamzine, qui, vers le commencement du présent siècle, délivra la prose russe des entraves pesantes qui l'embarrassaient encore. Quelques années plus tard, Joukofski, poète gracieux et doué d'un tin sentiment musical, rendit le même service à la poésie. D'ailleurs, complètement dénués d'originalité personnelle, tous deux ne firent que traduire et imiter; mais ils ouvrirent à leurs successeurs une voie pour être dépassés. Le temps n'est pas loin où toute cette époque de la littérature russe que couronnent Karamzine et Joukofski n'intéressera plus que le philologue et l'historien. Toutefois il faut excepter deux hommes d'élite: Derjavine, nature éminemment poétique, audacieuse et forte, dont tous les écrits respirent le génie conquérant et majestueux du règne de Catherine; mais qui, mal à l'aise dans les formes mesquines de la poésie du temps, succombait souvent à la difficulté de manier une langue rebelle, — et Kryloff, le La Fontaine russe, personnification achevée de la bonhomie clairvoyante et du bon sens malicieux des Slaves. Mais la véritable littérature nationale ne date, en Russie, que d'Alexandre Pouchkine, et ne compte après lui que deux talents supérieurs, Michel Lermontoff et Nicolas Gogol.

L'intérêt que toute l'Europe ne peut manquer de prendre, par diverses raisons, à la marche de l'esprit national en Russie, devait éveiller la curiosité sur les premiers essais où se manifestait cet esprit. D'autant plus qu'à entendre certaines histoires de littérature contemporaine, la Russie possédait une légion d'écrivains dans tous les genres, auteurs dramatiques, poètes, romanciers, etc. Cependant, sauf quelques détails de mœurs et de coutumes, la curiosité du public européen ne trouva, dans les traductions qu'on lui offrit, rien de neuf, de saisissant, d'original, de vraiment russe. Les ouvrages qu'on soumettait à son jugement n'arrivaient qu'à une imitation plus ou moins heureuse de ce qui était dès longtemps du connu et du passé pour les lecteurs des nations étrangères. La déception fut donc à peu près générale, et l'on doit convenir qu'à l'exception peut-être de Gryboïédoff, auteur d'une spirituelle comédie (*Malheur aux gens d'esprit!*), dont tous les vers sont devenus proverbes, la Russie ne peut encore offrir à l'Europe, avec un juste orgueil, que les trois noms précédemment cités.

Frappé au milieu de sa carrière par une mort déplorable (en 1837), Pouchkine commence à jouir hors de son pays d'une belle renommée. Mais il est loin d'être apprécié à sa juste valeur. On ne connaît que ses premiers poèmes, écrits sous l'influence de lord Byron, et ses deux chefs-d'œuvre, le roman en vers *Eugène Onéguine* et le drame *Boris Godounoff*, n'ont été traduits qu'en allemand. Encore est-ce le cas de dire *traduttore, traditore*. Dans les œuvres connues de Pouchkine, la forme se ressent encore de l'imitation des modèles étrangers. Mais le fond, le caractère, l'âme de tout ce qu'il a produit est éminemment russe. Aussi existe-t-il entre le peuple russe et Pouchkine une sympathie profonde. Nous disons à dessein *le peuple*, car ses vers mâles et harmonieux sont dans la bouche de tout le monde, et Pouchkine est bien le premier poète national de la Russie. Sa poésie n'avait pas de tendance prononcée et systématique. C'était l'expression spontanée d'une nature impressionnable et généreuse, russe surtout, russe partout et toujours, dans sa manière de sentir, de penser et d'aimer. Un

ЛУИ ВИАРДО

Фотография. Баден-Баден, 1860-е годы

Музей города Баден-Баден

sentiment profond et vrai, sans recherche, sans effort, un coloris ferme et sobre, une noble simplicité, une grandeur native, et surtout l'absence complète de l'amour du *moi*, de cet amour qui s'étale si fastidieusement dans tout ce qu'on lit aujourd'hui, voilà les caractères distinctifs de sa muse. Pouchkine ne surprend pas le lecteur par de grandes idées, de magnifiques descriptions; mais il lui ouvre, il lui révèle le cœur et l'esprit des Russes. Vrai poète, dans la naïve acception du mot, c'est chez lui que se trouve la plus haute expression poétique de la vie russe, de ses joies et de ses douleurs. Il est, dans son recueil, telle petite pièce de vers qu'aucun Russe ne peut entendre sans un frémissement sympathique. Rien d'étrange en lui, rien d'imprévu, de fantastique, d'exclusivement personnel; Pouchkine a vécu de la vie de tout le monde, et il a exprimé ce que tout le monde avait ressenti. Le manque d'originalité égoïste, de *couleur locale* à lui propre, peut le faire paraître un peu pâle aux étrangers qui ne le lisent point dans son idiome. Pouchkine, en effet, n'est pas du nombre de ces grands poètes de tous les temps et de tous les pays qui n'ont rien à redouter même des traducteurs. Il n'est pas non plus de ces talents bizarres, excentriques, qui conservent, en dépit de toute traduction, le cachet de leur originalité. Mais, tel qu'il est, il mérite assurément d'être connu de tous, et nous avons la ferme conviction que ses belles œuvres, telles que *Eugène Onéguine*, ou quelques unes de ses nouvelles (surtout l'admirable *Fille du capitaine*) plairaient aux lecteurs français, qui ne pourraient refuser leur sympathie, à ce talent ferme, chaleureux, libre et vrai.

A peine une mort violente et prématurée lui avait-elle enlevé son poète, que la Russie fut un moment consolée par l'apparition du seul rival de Pouchkine, Michel Lermontoff. Mais, enlevé plus rapidement encore que son illustre devancier, Lermontoff, dont les premiers essais parurent en 1839, succombait deux ans plus tard, et, comme Pouchkine, dans un déplorable duel. Quelques nouvelles de Lermontoff, traduites par un de ses compatriotes, ont passé sous les yeux du public français. Toutefois, c'est dans la poésie qu'il s'est révélé et qu'il faut chercher à le connaître.

L'aspect de la réalité physique et morale produit sur les âmes d'artistes des impressions diverses. Pour les uns, elle se reflète toute entière et dans tous les détails; elle agit avec force, mais avec calme, sur l'âme du poète, et ne s'adresse qu'à son talent de reproduction. Pour les autres, au contraire, agissant avec plus de puissance sur un point plus restreint et plus spécial, elle produit l'enthousiasme ou l'indignation, l'admiration ou la colère, l'amour ou la haine. Là où l'élément du lyrisme, la personnalité prédomine, le courant de l'inspiration poétique peut être moins large, mais il devient plus profond et plus impétueux. Lermontoff fut une de ces natures, douées d'énergie, passionnées et concentrées tout à la fois, dont lord Byron est le plus magnifique modèle. Un amour farouche de l'indépendance brûlait son âme; il semblait constamment dévoré par le feu d'une impatience intérieure. Personne, en Russie, n'a écrit des vers aussi énergiques dans leur simplicité, dans leur nudité, aussi rapides, aussi dédaigneux de tout vain ornement. Toute sa poésie est l'expression d'une âme indomptable, taciturne et violente. On lui a reproché d'avoir remis à la mode le désenchantement byronien; mais on se méprenait en cela sur la vraie nature de son talent. Ce n'était pas la misanthropie d'un cœur blasé et découragé qui l'inspirait; c'était l'indignation du désœuvrement forcé, la haine et non l'ennui du vide. Lermontoff n'était pas non plus de ces écrivains factices et superficiels qui suppléent au manque de génie par des intentions louables, gar des convictions demi-réelles, demi-feintes. Lermontoff était un vrai, un grand poète. Lui seul, et Pouchkine, ont su faire parler la femme russe; il a tracé d'admirables descriptions, il a créé de vigoureux caractères; et, grandissant à

vue d'œil, son talent devenait de jour en jour plus sûr, plus ferme et plus fier, quand la mort est venue le prendre à l'entrée de la vie.

Bien qu'il n'ait fait qu'apparaître, Lermontoff a eu pourtant une influence qui lui survit. C'est qu'il était, comme Pouchkine, éminemment Russe. Ceux qui ont l'habitude d'étudier la situation actuelle et la future destinée des peuples, comprendront bien que, dans le temps où nous sommes, l'expression chaleureuse du côté négatif des choses humaines, le regret de ce qui manque aux hommes, doit éveiller bien des sympathies. Nous nous bornerons à remarquer qu'il y a aussi des aspirations généreuses dans le caractère des Slaves, et que Lermontoff en a été le premier interprète; il est le premier poète de passion, qu'ait produit la Russie.

Pouchkine, dès ses débuts, était devenu le chef d'une école qui produisit des versificateurs distingués, mais pas un seul poète. Il avait trouvé le secret de faire des vers; ses imitateurs profitèrent de la découverte, et bientôt il n'y eut pas d'étudiant en Russie qui ne sût passablement rimer. Mais comme sa poésie n'était que poésie, comme elle manquait de tendance arrêtée et de caractère propre, elle ne put avoir une influence immédiatement efficace sur ses contemporains. Avec Pouchkine la poésie avait pris droit de bourgeoisie dans l'empire russe; elle existait, personne ne pouvait la nier. Mais quelle marche allait suivre la littérature nationale, enfin créée? Irait-elle se rapprocher de la vie réelle, de la vie du peuple? ou bien resterait-elle dans le monde un peu idéal où l'avait reléguée Pouchkine? — Remarquez qu'en employant le mot *idéal*, nous ne prétendons nullement dire que Pouchkine n'ait pas eu le sentiment le plus vif de la réalité; mais la simplicité limpide de son dessin, et l'extrême sobriété des détails répandent sur toutes ses figures une beauté calme, antique, qui a fait comparer son talent à celui d'un sculpteur. — La question fut bientôt résolue, et la littérature suivit sa pente naturelle. Reproduire la vie actuelle dans toute la variété de son ensemble devint le but commun des efforts de tous les écrivains. On se mit à faire des comédies, des drames, des romans de mœurs, des romans d'histoire, et la grande lutte du classicisme et du romantisme eut de lointains échos jusqu'en Russie, car Pouchkine, nous l'avons remarqué, n'avait pas pleinement délivré la littérature nationale de ses tendances à l'imitation. Mais tous ces écrivains qui visaient à l'originalité par la peinture de la vie passée ou présente du peuple, ne trouvaient pas cette inspiration vive et profonde qui anime les œuvres comme le flambeau de Prométhée; la réalité, la vie échappaient à leurs impuissantes étreintes. On peut citer le *Iouri Miloslavski* de Zagoskine, et l'*Ivane Vyjighine* de Boulgarine, tous deux traduits en français, comme les plus renommés et les plus honorables exemples du roman d'histoire et du roman de mœurs à cette époque. Mais Pouchkine, toutefois, malgré le caractère idéal de sa poésie, était resté plus Russe que tous ceux qui peignaient la Russie de jadis et d'aujourd'hui.

Dans ce moment de trouble et d'agitation, apparut un talent jeune, vigoureux, plein d'avenir, sur qui se fixa l'intérêt général. C'était Nicolas Gogol. Né en Petite Russie (vers 1808), il avait passé son enfance dans les vastes steppes de l'Ukraine, au milieu d'une population sans contact avec l'Europe, qui a conservé, bien mieux que les Grands-Russes, l'originalité de son caractère natif. Aussi les premières nouvelles qu'il publia n'avaient-elles de russe que l'idiome. Encore y relevait-on une foule de fautes contre la grammaire et le style. C'était la Petite-Russie toute entière que Gogol avait reproduite dans ses *Soirées de Dikanka*. Le succès de ce livre fut immense. Tout le monde admira la vigueur et le naturel de son coloris, sa riche veine comique, sa finesse d'observation, son originalité sincère. Gogol n'imitait personne: défauts et qualités, tout lui appartient; en lui, tout est lui. Il vint en Russie, il s'y fixa, et fit successivement paraître une comédie

(*Revisor*), une autre série de *Nouvelles*, des scènes dramatiques, et la première partie d'un roman (*Meurtre à Douchi*, ou les *Ames mortes*) qu'il achève maintenant à Rome. Chacun de ces ouvrages eut un grand retentissement, et Gogol est aujourd'hui, de toute la Russie, l'écrivain le plus populaire, le plus influent, le plus imité. Quoique simplement prosateur, c'est aussi le premier écrivain complètement original qu'ait produit la littérature russe. Avec une connaissance approfondie du pays et du peuple qu'il peint, avec un singulier talent de conteur, il possède une verve comique inextinguible, ce qui manquait à Pouchkine, une ironie que la bonhomie déguise, et différente en cela de l'ironie âpre de Lermontoff, un certain *humour* particulier à lui seul, et marqué de cette empreinte de tristesse profonde qu'on trouvera toujours au fond d'un cœur slave. La vie russe n'a pas de secrets pour lui; toutes les classes de la société viennent tour à tour se livrer à son irrésistible observation, et quantité de phrases, prises dans ses écrits, sont devenues des locutions familières. Quant à ses descriptions de la nature russe, elles sont merveilleusement fidèles et poétiques. Enfin, Gogol a produit une révolution complète dans la littérature de son pays. L'absence volontaire de tout lyrisme, de tout charlatanisme littéraire, une manière large et calme de reproduire l'état présent de la Russie, disant le bien sans enthousiasme, et le mal sans indignation, la plus haute faculté de créer des types, et le don de vie répandu sur toutes ses peintures des choses et des hommes, ces qualités diverses, mais sœurs, lui ont donné une influence prodigieuse, et le premier rang parmi les auteurs contemporains. Un critique a remarqué, avec raison, que Gogol avait tué les vers et les versificateurs. Du moins, a-t-il contribué certainement à diminuer le nombre des écrivains, car il leur a imposé l'obligation d'avoir un véritable talent, et un talent vraiment original, ce qui ne se trouvait pas toujours dans les livres avant son avènement.

L'importance toujours croissante que Gogol a acquise depuis ses débuts, jointe à son incontestable mérite, nous fait désirer que ses œuvres se répandent en Europe, où nous croyons pouvoir leur promettre un accueil distingué. Aussi apprenons-nous avec satisfaction et confiance que la traduction de ses meilleures nouvelles va bientôt paraître dans la langue la plus universellement répandue. Nous espérons que les lecteurs français ratifieront le jugement porté par les Russes sur le plus populaire de leurs écrivains. Outre le plaisir de l'esprit que donne une belle œuvre d'art, ils y trouveront encore les plus justes notions qu'on puisse prendre d'un peuple étranger sans sortir de chez soi.

Перевод:

О СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

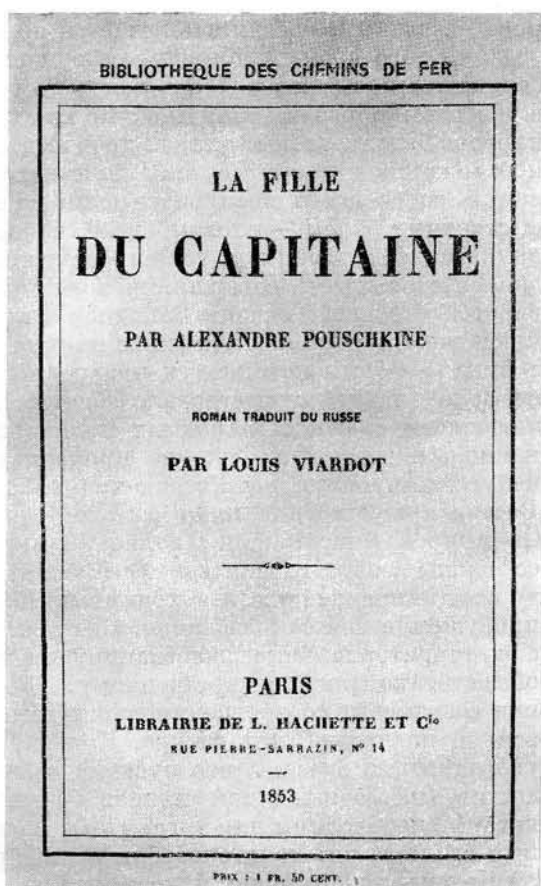
Пушкин. — Лермонтов. — Гоголь *

Литература — если употребить это слово в истинном его значении — существует в России едва сорок лет; но литературное движение началось там столетием раньше. До вступления на престол того, кто явился создателем Российской империи, — Петра Великого, немногочисленные книги, которыми располагала Россия, были большей частью посвящены религиозным вопросам и написаны на славянском языке, или, вернее, на наречии, образовавшемся из древнеславянского языка, который и поныне еще сохраняется в переводе Евангелий, но с изменениями, вызванными влиянием латинского, польского и простонародного русского языков. Наречие это, подобно санскриту у жителей Востока, сделалось языком ученых, *книжным языком*. Оно покоилось в монастырских хранилищах

* Перевод Л. Р. Ланского.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД
«КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» ПУШКИНА,
СДЕЛАННЫЙ ТУРГЕНЕВЫМ
ПРИ УЧАСТИИ ЛУИ ВИАРДО

Париж, 1853
Титульный лист

и библиотеках; настоящий же русский язык — тот, который жил в устах народа, не имел литературных памятников, кроме старинных песен и сказок, повторявшихся на посиделках и бережно сохраненных традицией до наших дней. Благодаря Петру Великому восторжествовал русский язык — язык народный. Но так как этот язык — выражение жизни, которую Петр призван был столь решительно изменить, — вовсе не находился на уровне новых начал, введенных им в общество, поскольку он не признавал еще своих собственных богатств и ему недоставало множества слов, ставших необходимыми с появлением новых понятий, — то вскоре возникло чудовищное смешение: в язык вторглись немецкие, шведские, голландские, французские выражения. Книжное наречие оказалось совершенно искаженным — и, в свою очередь, исказило живую речь, разговорный язык; и при этом первом столкновении между элементами, из которых позднее суждено было образоваться современному русскому языку, существование литературы было невозможно. Создать литературу гораздо трудней, чем создать империю, и на это требуется еще больше времени. Вот почему первый достойный этого звания писатель, которого родила Россия, — Ломоносов — появился лишь через десять лет после смерти Петра Великого.

В нашу задачу не входит определение здесь заслуг и влияния этого поистине замечательного человека, неуклонно следовавшего по стопам великого царя, который, подражая, возвысился до созидания, благодаря здравому смыслу, смелости, упорству, вере в самого себя и в свой народ. Мы хотим лишь заметить, что значение этого первого периода умствен-

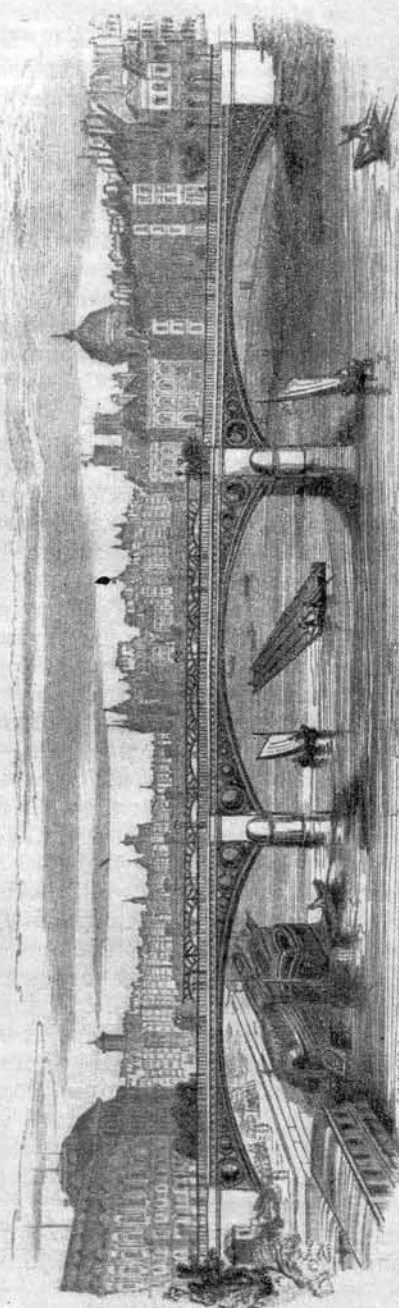
ного развития в России заключается не в литературной ценности произведений того времени, бывших, в сущности, лишь слабым подражанием европейским образцам, — а в быстром усовершенствовании или, вернее, в успешном образовании языка. Во всех литературах других европейских народов были созданы великие произведения еще до того, как окончательно сложился русский язык. И действительно, у каждой из европейских наций потребность воспроизведения событий, понятий, верований, общественных форм, — словом, всей человеческой жизни — потребность, являющаяся источником всякого искусства и всякой науки, непрестанно давала себя знать. Под влиянием античности, которое сквозь века варварства пронесла жизнь Западной Европы, слово сумело уже в пору младенчества языков и искусства найти звуки энергичные и возвышенные, а рука — формы истинные и прекрасные. И произошло это потому, что на Западе всегда существовало *общество*. В России же, наоборот, за исключением сказок и народных песен, эта потребность воспроизведения национальной жизни еще не проявилась. Вплоть до Петра Великого искусство проникало в Россию только из Италии или из Византии. Ибо Россия существовала лишь как народность, но еще не как *общество*. Сформировавшись, нация должна была последовать великой судьбе, ее ожидавшей. Но прежде чем устремиться вперед, начать движение во всех направлениях, необходим был подготовительный труд, способный пробудить в ней самосознание. Вот почему в политической истории России территориальные завоевания предшествовали всякому развитию, общественному и государственному. Вот почему в ее литературной истории создание и усовершенствование языка должны были предшествовать всякой подлинной литературе. Конечно, и сейчас еще нельзя с полной уверенностью сказать, что русский язык сложился окончательно; но он достиг уже, однако, той степени точности, гибкости, универсальности, которые необходимы для того, чтобы писатель мог создать свой собственный стиль, а читатели способны были признать за ним это достоинство.

Человек, обладавший вкусом и талантом, историк Карамзин, в начале нынешнего столетия освободил русскую прозу от все еще обременявших ее тягостных пут. Несколько лет спустя, Жуковский, поэт изящный и одаренный тонким музыкальным чувством, оказал такую же услугу поэзии. Впрочем, оба они, совершенно лишенные личной оригинальности, в состоянии были только переводить и подражать; но они открыли дорогу своим преемникам, предоставив им возможность обогнать себя. Не так далеко уже время, когда вся эта эпоха русской литературы, увенчанная Карамзиным и Жуковским, будет вызывать интерес лишь у филолога и историка. Исключением, однако, являются две замечательные личности: Державин — натура в высшей степени поэтическая, смелая и сильная, все сочинения которого одушевлены победоносным и величественным гением екатерининского царствования; но, стесненный узкими формами поэзии своего времени, он часто изнемогал, стараясь подчинить себе непокорный язык, — и Крылов, русский Лафонтен, это законченное воплощение прозорливого простодушия и лукавого здравого смысла славян. Однако истинно национальная литература в России началась лишь с Александра Пушкина и насчитывает после него только два выдающихся таланта — Михаила Лермонтова и Николая Гоголя.

Интерес, который вся Европа по разным причинам испытывает к развитию национального духа в России, должен был пробудить особое внимание к первым попыткам проявления этого духа, тем более что, если верить некоторым историям современной литературы, Россия обладала легионом писателей во всех родах — драматургами, поэтами, романистами и пр. Но, кроме немногих подробностей в описании нравов и обычаев, любознательность европейской публики не нашла в предложенных

L'ILLUSTRATION,

JOURNAL UNIVERSEL.

Ab. pour Paris. — 3 mois, 8 fr. — 6 mois, 16 fr. — Un an, 30 fr.
 Prix de chaque N° 75 c. — La collection mensuelle fr. 2 fr. 75.

N° 125. Vol. V. — SAMEDI 19 JUILLET 1845.
 Bureau, rue Richelieu, 69.

Ab. pour les Dep. — 3 mois, 9 fr. — 6 mois, 17 fr. — Un an, 32 fr.
 Ab. pour l'Etranger. — 10 — 20 — 30 — 40.

SOMMAIRE.

Le général Jackson. *Parfait.* — **Histoire de la Semaine.** — **Courrier de Paris.** *Une Séance du Canal Saint-Martin.* — **Le Printemps.** *Roman, paroles de M. Bohlmann, musique de Mlle. Singel.* — **Obseques de l'amiral Gourbeyre.** *Parfait.* — **Les deux Gossuins.** *Nouvelle maritime, par M. G. de La Landelle.* (Chapitre VIII.) **La Chèvre jaune.** — **Tunis.** *Vue du fort de la Concorde, Place de la Kasbah; Vue générale de Tunis, prise du Hardey, Maison de Dieu; Vue du Palais national.* — **De la Littérature russe contemporaine.** *Pouchkine, Lermontoff, Gogol.* — **Les Barrières de Paris.** (3e article.) *Défense de la barrière de Clignancourt; Description des fortifications; la Partie à l'abri d'elles; le Trépan.*

ville-Orléans. Quand il y arriva, il n'avait que trois mille hommes, et les habitants paraissaient disposés à se rendre. D'abord il se fit ce qu'il s'était déjà fait dans la guerre contre les Indiens, c'est-à-dire, dictateur. Il vint les joindre, mais il sauva la ville et la province. Après deux attaques infructueuses, l'armée anglaise fut obligée de se rembarquer en laissant deux mille morts et son général sur le champ de bataille. Cette victoire méprisée valut au général Jackson une immense popularité. Condamné à mille dollars d'amende par un juge qu'il avait exilé arbitrairement, il paya cette somme de ses propres deniers. Toutes les tentatives faites pour la tenir, aboutirent à l'éclat de sa gloire. « Souvenons-nous, s'écriait-il, M. Clay dans la chambre des représentants, que la Grèce eut son Alexandre; Rome, son César ;

l'Angleterre, Cromwell, et la France, Napoléon. » Quel éloge qu'une pareille attaque !
 A dater de cette époque, André Jackson devint un des personnages les plus considérables des Etats-Unis, le chef du parti démocratique. En 1820, on commença à parler de lui pour la présidence ; en 1825, M. John Quincy Adams l'emporta sur lui à une assez forte majorité ; mais en 1828, il triompha à son tour de M. Adams. Le 4 mars de cette année il fut inauguré président des Etats-Unis. Réélu en 1835, il a suivi l'exemple donné par Washington et par Jefferson, de ne pas briguer une troisième présidence ; il est resté volontairement dans la vie privée, après avoir été pendant huit années le chef tout-puissant de la démocratie américaine. Trois grands faits dominent les deux présidences du gé-

ЖУРНАЛ «L'ILLUSTRATION» ОТ 19 ИЮЛЯ 1845 г.

Здесь была напечатана статья Тургуева «О современной русской литературе»
 Титульный лист (фрагмент)

ей переводах ничего нового, поражающего, оригинального, подлинно русского. Представленные на ее суд сочинения не поднимались выше более или менее удачного подражания произведениям, давным-давно уже известным иностранным читателям. Разочарование поэтому было почти всеобщим, и должно признать, что, за исключением, быть может, Грибоедова, автора одной остроумной комедии («Горе от ума»), все стихи которой обратились в поговорки, Россия еще не может с законной гордостью представить Европе ничего, кроме трех уже названных выше имен.

Настигнутый в расцвете творчества трагической смертью (в 1837 году), Пушкин начинает пользоваться почетной известностью вне своей родины. Однако он далеко еще не оценен по достоинству. Европе знакомы лишь его первые поэмы, написанные под влиянием лорда Байрона; а два его шедевра — роман в стихах «Евгений Онегин» и драма «Борис Годунов» — были переведены только на немецкий язык. К тому же об этих переводах можно сказать: *traduttore, traditore* *. В известных публике сочинениях Пушкина форма несет еще на себе следы подражания иностранным образцам. Но основа, характер, душа всех его произведений — в высшей степени русские. Вот почему между русским народом и Пушкиным существует глубокая симпатия. Мы намеренно говорим *народом*, ибо мужественные и гармоничные стихи Пушкина — у всех на устах, и Пушкин, несомненно, является первым национальным поэтом России. Его поэзия не обладала ясно высказанным и определенным направлением. То было непосредственное выражение натуры впечатлительной и щедрой, русской по преимуществу, русской везде и всегда — в манере чувствовать, мыслить и любить. Глубокое и искреннее чувство, без изысканности, без напряженного усилия, строгий и скупой колорит, благородная простота, прирожденная величавость и, в особенности, полное отсутствие любви *к себе*, той любви, которая столь тщеславно выставляет себя напоказ во всем, что теперь читаешь, — вот отличительные черты его музыки. Пушкин не поражает читателя великими идеями, роскошными описаниями, но он открывает, показывает ему сердце и ум русских людей. Он — истинный поэт, в прямом значении этого слова, и именно в его поэзии заключается высшее поэтическое выражение русской жизни, ее радостей и ее печалей. В собрании его сочинений есть такие стихотворения, которых ни один русский не может слышать без сочувственного волнения. В Пушкине нет ничего необычного, ничего неожиданного, фантастического, исключительно личного; Пушкин жил жизнью общей всем людям, и он выразил то, что чувствовали все. Из-за отсутствия себялюбивой оригинальности, своего собственного *местного колорита*, он может показаться иностранцам, не читающим его в подлиннике, несколько бледным. Пушкин, действительно, не принадлежит к числу тех великих поэтов всех времен и народов, которым нечего бояться даже переводчиков. Не принадлежит он и к тем причудливым, эксцентричным талантам, которые сохраняют, при любом переводе, печать своей оригинальности. Но и такой как есть, он, несомненно, заслуживает всеобщей известности, и мы глубоко убеждены, что его прекрасные произведения, например, «Евгений Онегин» или некоторые из его повестей (в особенности восхитительная «Капитанская дочка»), понравились бы французским читателям, которые не смогли бы отказать в симпатии этому таланту — сильному, пламенному, свободному и правдивому.

Едва лишь насильственная и преждевременная смерть похитила у России ее поэта, как она ненадолго утешилась появлением единственного соперника Пушкина — Михаила Лермонтова. Но, похищенный смертью еще быстрее, чем его знаменитый предшественник, Лермонтов, первые

* переводчик, предатель (итал.).

опыты которого появились в 1839 году³, погиб, через два года, как и Пушкин, на злополучной дуэли. Некоторые повести Лермонтова, переведенные одним из его соотечественников, могли быть замечены французской публикой⁴. Но наиболее ярко он выразил себя в поэзии, и именно с ней необходимо познакомиться, чтобы по-настоящему понять его.

Действительность, материальная и нравственная, производит на души художников разнородные впечатления. У одних она отражается целиком и во всех подробностях; она действует сильно, но спокойно на душу поэта, обращаясь лишь к его таланту воссоздания жизни. У других, наоборот, действуя сильнее, но на более узкую и ограниченную область, она вызывает восторг или негодование, восхищение или гнев, любовь или ненависть. Там, где элемент лиризма, личность преобладает, поток поэтического вдохновения может быть менее широким, но он приобретает большую глубину и порывистость. Лермонтов был одной из тех натур, наделенных энергией, одновременно страстных и сосредоточенных, самым великолепным образцом которых является лорд Байрон. Необузданная любовь к независимости жгла его душу; казалось, его непрестанно пожирало пламя внутреннего нетерпения. Никто не писал еще в России стихов столь энергичных в своей простоте, в своей обнаженности, столь стремительных, столь чуждых суетным украшениям. Вся его поэзия — это выражение неукротимой, мрачной и бурной души. Его упрекали в том, что он вновь ввел в моду байроническую разочарованность; но при этом ошибались в истинной природе его таланта. Не мизантропия пресыщенного и разочарованного сердца вдохновляла его, а негодование против вынужденной бездеятельности, ненависть — а не скука, порожденная пустотой жизни. Лермонтов не принадлежал также к тем бездарным и поверхностным писателям, которые восполняют недостаток таланта похвальными намерениями и убеждениями, наполовину действительными, наполовину напускными. Лермонтов был настоящим, великим поэтом. Только у него и у Пушкина заговорила русская женщина; ему принадлежат восхитительные описания, он создал могучие характеры; вырастая на глазах, талант его становился со дня на день уверенней, сильней и независимей, когда внезапная смерть настигла его на самом пороге жизни.

Хотя Лермонтов жил очень недолго, он оказал влияние, которое пережило его. Объясняется это тем, что он, как и Пушкин, был человеком по преимуществу русским. Те, кто имеет обыкновение изучать современное состояние и будущую судьбу народов, отлично поймут, что в наше время взволнованное изображение отрицательных сторон человеческой жизни, сожаление о том, чего людям недостает, — должно пробуждать сильнейшее сочувствие. Мы ограничимся замечанием, что славянскому характеру свойственны и благородные стремления и что Лермонтов был первым истолкователем этого: он — первый поэт страсти, которого создала Россия.

Пушкин с начала своего поприща сделался главой школы, из которой вышли выдающиеся версификаторы, но ни одного поэта. Он открыл секрет стихотворства; его подражатели воспользовались этим открытием, и вскоре в России не оказалось ни одного студента, который не умел бы сносно рифмовать. Но так как его поэзия была только поэзией, так как ей не хватало определенной тенденции и самобытности, она не в состоянии была оказывать непосредственное воздействие на своих современников. С Пушкиным поэзия получила в Российской империи права гражданства: она существовала, отрицать ее никто не мог. Но какое же направление примет наконец-то образовавшаяся национальная литература? Сблизится ли она с реальной жизнью, с жизнью народа? Или она останется в том несколько идеальном мире, которым ее ограничил Пушкин? Заметьте, что, употребляя слово *идеальный*, мы несколько не хотим

сказать, будто Пушкин не обладал живейшим чувством действительности; однако прозрачная простота его рисунка и предельная строгость в подробностях придают всем созданным им лицам спокойную, античную красоту, что давало повод сравнивать его талант с талантом скульптора. Вопрос вскоре был разрешен, и литература пошла своим естественным путем. Воспроизведение современной жизни во всем разнообразии ее целого сделалось общим стремлением всех писателей. Все принялись сочинять комедии, драмы, правоописательные романы, романы исторические, и великая распря классицизма и романтизма нашла далекий отклик даже в России, ибо Пушкин, как мы уже заметили, не вполне освободил национальную литературу от ее подражательных тенденций. Однако все эти писатели, считавшие, что оригинальность заключается в изображении прошлой или современной жизни народа, были лишены того живого и глубокого вдохновения, которое одушевляет подобно факелу Прометея; действительность, жизнь ускользала из их немощных объятий. Можно назвать «Юрия Милославского» Загоскина и «Ивана Выжигина» Булгарина — оба романа переведены на французский язык как наиболее известные и наиболее достойные образцы исторического и правоописательного романов той эпохи. Но Пушкин, однако, несмотря на идеальный характер своей поэзии, оставался более русским, чем все те, кто изображал Россию прошлого времени и Россию современную.

И в эту пору смутнения и тревоги появился талант юный, могучий, многообещающий, который привлек к себе всеобщее внимание. Это был Николай Гоголь. Родившись в Малороссии (около 1808 г.), он провел свое детство в обширных степях Украины, среди населения, совершенно не соприкасавшегося с Европой и сохранившего гораздо лучше, чем великорусы, свою врожденную самобытность. Поэтому первые опубликованные им повести были русскими только по языку. К тому же в них обнаружили множество ошибок против грамматики и стиля. В своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь воссоздал всю Малороссию. Книга эта имела чрезвычайный успех. Все восхищались силой и естественностью ее красок, ее богатым комизмом, тонкой наблюдательностью и простодушной оригинальностью. Гоголь никому не подражал: недостатки и достоинства — всё принадлежит ему самому; всё в нем — его собственное. Он приехал в Россию, обосновался там и выпустил в свет последовательно: комедию («Ревизор»), вторую серию «Повестей», драматические сцены и первую часть романа («Мертвые души»), который он заканчивает в настоящее время в Риме. Каждое из этих сочинений сопровождалось шумным успехом, и Гоголь ныне является во всей России самым популярным, самым влиятельным писателем, которому больше всего подражают. Несмотря на то, что Гоголь пишет только прозой, он — первый вполне самобытный писатель в русской литературе. Помимо глубокого знания страны и народа, описываемого им с поразительным талантом рассказчика, он обладает неистощимым комическим даром, которого не доставало Пушкину, иронией, прикрываемой добродушием и отличающейся этим от горькой иронии Лермонтова; он обладает своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души. В русской жизни для него нет тайн; все классы общества поочередно подвергаются его беспощадному анализу, и многие выражения, взятые из его сочинений, стали общими поговорками. Что касается его описаний русской природы, то они изумительно верны и поэтичны. И наконец, Гоголь произвел полный переворот в литературе своего отечества. Сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и

о дурных — без негодования, величайшая способность создавать типы, умение вдыхать жизнь во все описания вещей и людей, — эти разнообразные, но родственные качества обусловили поразительное влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей. Один критик справедливо заметил, что Гоголь убил стихи и стихотворцев⁵. Во всяком случае, он несомненно содействовал уменьшению числа писателей, ибо сделал для них непременно условием обладание подлинным талантом, талантом действительно оригинальным, что не всегда встречалось в книгах до его появления.

Постоянный рост авторитета, приобретенного Гоголем с первых же шагов, и неоспоримые достоинства этого писателя заставляют нас желать, чтобы его произведения получили распространение в Европе, где, как мы полагаем, им можно обещать отличный прием. Вот почему мы принимаем с удовлетворением и надеждой известие о том, что перевод его лучших повестей должен вскоре появиться на самом распространенном в мире языке. Мы надеемся, что французские читатели присоединятся к мнению русских о самом народном из их писателей. Кроме духовного наслаждения, доставляемого каждым прекрасным произведением искусства, они также найдут у него самые верные представления, какие можно получить о чужом народе, не покидая своей страны.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О Луи Виардо и его отношениях с Тургеневым — см. в кн.: И. С. З и л ь б е р-ш т е й н. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, стр. 143—145. См. также на стр. 21 этой книги письмо Репина к П. М. Третьякову от 13/25 апреля 1874 г. с отзывом о Луи Виардо, «считающемся знатоком и действительно понимающем искусство».

² «История славянских народов» С. А. Геденова (1815—1878) в свет не вышла и, вероятно, не была написана. В 1846 г. он начал работать над исследованием «Варяги и Русь», частично напечатанным в 1862 г. и полностью — в 1876 г.

³ Первое произведение Лермонтова за его подписью появилось в печати, хотя и помимо его воли, в 1835 г. (поэма «Хаджи Абрек» в «Библиотеке для чтения», т. XI).

⁴ Первый французский перевод «Героя нашего времени», выполненный А. А. Столыпиным, опубликован в фурийеристской газете «La démocratie pacifique» (с 29 сентября по 4 ноября 1843 г.) — см. «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 752 и журн. «Русская литература», 1959, № 3, стр. 15 (статья: Б. М. Э й х е н б а у м. О смысловой основе «Героя нашего времени»).

⁵ Несомненно имеется в виду Белинский, не раз высказывавший мысль о том, что произведения Гоголя определили решительную победу прозы в русской литературе и привели к упадку «стихов». Под этим словом Белинский разумел в данном контексте эпигонскую романтическую поэзию 1830-х годов. Наиболее близки к приводимому в статье тексту следующие высказывания Белинского: «Гоголь убил два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм <...> и потом — сатирический дидактизм» («Русская литература в 1843 году». — Б е л и н с к и й, т. VIII, стр. 81); «...что бы, вы думали, убило наш добрый и наивный романтизм, что заставило этого юношу скоропостижно скончаться во цвете лет? — Проза! Да, проза, проза и проза» («Русская литература в 1842 году». — Б е л и н с к и й, т. VI, стр. 523); «1835 и 1836 года были эпохой для русской литературы: в первом вышли в свет „Миргород“ и „Арабески“, во втором появился и в печати и на сцене „Ревизор“... В то же время напечатались стихотворения г. Бенедиктова <...> они повершили вопрос о стихах, и с того времени стихи (в том смысле, в каком мы принимаем это слово) совершенно окончили на Руси свое земное поприще» (там же, стр. 525).